

ОТНОШЕНИЯ УКРАИНЫ С РОССИЕЙ В ТРУДАХ МИХАИЛА МАКСИМОВИЧА 1850 – 1860-х годов¹

Михаил Александрович Максимович (1804 – 1873) – выдающийся украинский историк, филолог и этнограф, один из первых основоположников национального возрождения украинцев в первой половине XIX века. Он собирал и опубликовал сборник украинских народных песен, в своих исследованиях выявил связь “Слова о полку Игореве” с украинской народной поэзией, выступил против норманской теории возникновения Руси, публиковал множество статей по истории Украины, в особенности о Киевщине. Его научные интересы не ограничивались Украиной, но охватывали и Россию. Научную полемику между Максимовичем и Михаилом Погодиным в 1856 г. об этническом составе населения Киевской Руси можно вполне обоснованно считать первым публичным столкновением украинского и российского истолкований истории Руси. Погодин утверждал, что жители Приднепровской Украины домонгольского времени говорили на великорусском языке, который состоял в самом близком родстве с церковнославянским языком и происходил от него². По мнению Погодина, все население после татарского нашествия либо погибло, либо переселилось в северную Русь. Киевская земля совершенно обезлюдела. Украинцы же, или малороссияне, как он и многие другие в то время их называли, переселились на эти земли только в XIV – XVI веках. Правда, Погодин допускал, что великороссияне в дотатарский период жили только на территории Киевской земли, а остальные территории Правобережной Украины могли быть заселены украинцами. Тем не менее, согласно его теории выходило, что только великороссияне имели прямую преемственную связь с центральной территорией Киевской Руси и ее культурными достижениями, а украинцы являлись лишь потомками переселенцев из ее периферии. Максимович энергично выступал против теории Погодина, доказывая непрерывную преемственность населения Киевской земли с домонгольских времен, приводя множество филологических и исторических аргументов.

В настоящей статье я не стараюсь решить спор между Максимовичем и Погодиным³. Моя цель – выяснить, какой взгляд на отношения между Украиной и Россией был высказан Максимовичем в его полемике против Погодина и в некоторых других научных работах. В литературе можно встретить разные толкования позиции Максимовича. На украинской стороне обычно подчеркивают именно те аспекты его точки зрения, которые способствовали укреплению украинского национального сознания. Он поддерживал теории существования украинского языка уже в период Киевской Руси, непрерывной преемственности населения и культурной традиции Украины через литовский и польский периоды до XIX века; а также положительно относился к гайдамацкому восстанию и автономии гетманской Украины⁴. Русские же охотно напоминали о всероссийском патриотизме украинского историка⁵. В самом деле, у Максимовича можно найти и то и другое, и его место среди основоположников украинского национального движения отнюдь не просто определить.

Максимович ответил Погодину в “Филологических письмах”, которые впервые были опубликованы в “Русской Беседе”, органе московских славянофилов⁶. В 1857 – 1859 гг. Максимович был главным редактором этого журнала, который тогда благосклонно относился к украинской культурной деятельности⁷. Кроме статей Максимовича, в “Русской Беседе” впервые, в 1857 г., печаталась в русском переводе “Черная Рада” Пантелеймона Кулиша, первый крупный украинский роман⁸. В полемике против Погодина Максимович повторял свое мнение о существовании отдельного украинского языка, что в то время еще не было всеми признано. Но это и не было предметом спора, так как Погодин в своей статье признал самое существование украинского языка⁹. Одна из главнейших причин протеста Максимовича против Погодина состояла в том, что тот не считал связь между украинцами и великороссиянами достаточно близкой. Для Максимовича же близкое родство между украинским и великорусским языками имело принципиальное значение.

Он ссылаясь на Михаила Ломоносова, который писал об отличии церковнославянского языка от “природного языка российского”, а также “о ближайшем сродстве Украинского, то есть Малороссийского и Великороссийских наречий, которых совокупность составляет одно неразрывное органическое целое, одну обширную русскую речь”¹⁰. Максимович укорял Погодина: “...ты разрываешь ближайшее родство Русских наречий, по которому Малороссийское и Великороссийское наречия, или, говоря полнее и точнее, Южнорусский и Севернорусский языки – родные братья, сыновья одной Русской речи...”

Но если бы пришлось мне из двух зол выбирать легчайшее, то я лучше согласен признать безразличие всей Северной и Южной Руси в древнее до-Татарское время, чем разрознять их и разрывать ближайшее их родство до такой степени, как это сделано в твоей нынешней системе...

Великороссияне и Малороссияне, как однородцы, имеют полное основание и право говорить, как некогда говорили послы Олеговы: “Мы от рода Русского!” “Свой своему и по неволе брат”, говорит Русская пословица.”¹¹

Однако при исследовании представления Максимовича об отношении между украинским и русским языками необходимо учитывать, что он ставил оба в контекст такой системы славянских языков, которая значительно отличалась от современной. Он считал родство между украинским и великорусским языками только соответствующим родству между западнославянской и южнославянской группами языков и не более. Термин “русская речь” обозначает у него приблизительно то же самое, что группа восточнославянских языков у современных лингвистов. Вообще в это время слово “русский” еще не приобрело своего нынешнего исключительно великорусского значения, а часто употреблялось в более широком смысле даже такими авторами, которые хорошо осознавали разницу между украинцами и великорусскими. В русской речи (восточнославянской группе) Максимович отметил только два языка, “Южнорусский” и “Севернорусский”, которые в свою очередь разделялись на два наречия. Южнорусский (украинский) язык состоял из “Малороссийского” и “Червонорусского”, а Севернорусский – из “Великороссийского” и Белорусского наречий¹². Таким образом, теория Максимовича о границах украинского языка соответствует современному представлению и включает Западную Украину, но его взгляд на отношение между белорусским и великорусским языками отличается от общепринятой сегодня теории, поскольку отношение “малороссийского” к “червонорусскому” у Максимовича аналогично отношению “великороссийского” к белорусскому и положение украинского языка отличается от общепринятого в наше время. Мнение Максимовича касательно отношения между восточной группой и другими славянскими языками также отличается от современного, ибо он разделял славянские языки только на две главные, восточную и западную группы. Он видел расстояние между восточнославянскими и другими славянскими языками более значительным, чем разницу между южнославянской и западнославянской группами. Хотя в системе Максимовича родство между украинским и великорусским языками было соответственно родству между, например, сербским и польским, украинский язык в той же системе был ближе к великорусскому, чем к южнославянским языкам.

“Южнорусский язык состоит в двух главных наречиях: в Малороссийском, и Червонорусском. Оба они, при всех местных своих разностях, запечатлены единством одного языка, что и свидетельствует о древнем его образовании. А потому разные мнения о происхождении Южнорусского языка после XIII века несправедливы... Южнорусский язык ближе и роднее всех к Севернорусскому, состоящему в двух главных наречиях, Великороссийском и Белорусском, и составляет с ним одну великую речь Русскую или Восточнославянскую. Русская речь ответственна всей Западнославянской речи, состоящей тоже в двух уделах: Юго-западном (куда принадлежат 5 задунайских языков: Церковно-Славянский или Македонский, Болгарский, Сербский, Хорватский и Хорутанский) и Северо-западном (где также 5 языков Польский, Чешский, Лужицкий, и Полабский).”¹³

Если бы возражения Максимовича против Погодина исчерпались в его защите близкого родства украинского и великорусского языков между собой, эта полемика вообще не имело бы большого исторического значения. Но “Филологические письма” имели и другую цель: защиту украинского достоинства и большого значения этого термина в русском мире в широком смысле. Украинский историк подчеркивал роль Украины / Малороссии в истории Руси. Несмотря на то, что он раньше согласился с тем, что и Москва продолжала традицию Киевской Руси¹⁴, теперь он деликатно ставил преемственность Москвы с Киевом под сомнение. Во всяком случае, главным наследником Киевской традиции был Киев: “...мы жили здесь, по обе стороны Днепра, с незапамятного времени, с предковку! Что у нас в Киеве водворились на княжение Аскольд и Дир, а за ними вещий Олег

с Рюриковым сыном. Что у нас в Киеве началась и от нас разошлась во все концы Русского мира, жизнь, насажденная святым просветителем Руси – Владимиром... Мы, малороссияне, остались по прежнему в своей родимой Киевской стороне, в своих стародавних городах и селах, с своими преданиями и обычаями, – мы остались на корню, с которого не сильны были сорвать нас ни какие вихры и бури, ни же гроза Батыевская...И как в древнее время, мы и наша земля назывались собственно Русю и Руською землею, а наше южное наречие называлось Руським языком, так в позднейшие века Русю преимущественно стала называться Великая или Московская Русь, а наречие Московское стало Руським языком, господствующим ныне во всем Русском мире.”¹⁵

В 1863 г. Максимович опубликовал в славянофильской газете “День” “Новые письма к М.П.Погодину”, которые содержат дополнительную информацию о его позиции в вопросе развития украинского и великорусского языков. Несмотря на заглавие, статьи были направлены в первую очередь против более умеренной теории Петра Лавровского, чем радикально великорусской теории Погодина, которую Максимович считал уже опровергнутой. Лавровский писал в “Основе” в 1861 г., что до татарского нашествия ни украинский, ни великорусский язык не существовали, а оба языка возникли из общего корня, только начиная с XIV века¹⁶. Вопросы о предполагаемых переселениях Лавровский вовсе не касался. Максимович же признал существование обеих языков в дотатарский период, считая, что на северо-восточной Руси уже тогда говорили по-великорусски. В великорусских претензиях Максимович видел не только научную сторону, что предельно ясно в его словах: “Есть и без Киева довольно места на Северо-Русском просторе для пристанища всему, что звучит совершенно по-великорусски: “вся земля наша велика и обильна!””¹⁷

В своем отношении к российскому правительству и империи, Максимович был верным подданным. Он считал государственное единство России и Украины желательным на основе прошлого исторического единства в Киевской Руси. Poleмика о Киевском наследстве представлялась ему скорее внутренней – между двумя составными частями Руси, чем национальной – между двумя совершенно отдельными нациями. Это особенно ярко выражено в статье Максимовича о Богдане Хмельницком, опубликованной в его “Украинце” 1859 года и тоже адресованной Погодину. Максимович видел значение деятельности Хмельницкого в том, что благодаря его усилиям произошло воссоединение большей части Руси времен Святого Владимира. И он считал, что гетман с самого начала своего восстания стремился именно к такой цели. “Я думаю, что мой Киевский взгляд на Богдана сойдется с твоим Московским – в одно руское воззрение, также, как Московская и Киевская Русь – две стороны одного рускаго мира, надолго разрозненные и даже противостоявшие друг другу, сошлись воедино – усилиями Богдана. Его постоянное устремление к Московской Руси, во все продолжение своей шестилетней, многотрудной борьбы с поляками, – его усилиями совершенное отторжение целой Малороссии от Польской Короны и присоединение к державе Руской; его крепкое настояние и деятельное участие козацкими силами в отвоевании Смоленска и всей Белоруссии Москвою от Польши; и то, что в 1654 году Царь Великой России стал царем Малой, а вслед за тем и Белой Руси, и положено было тогда счастливое начало великому историческому делу – воссоединению всей Владимировой Руси, и поныне еще не вполне dokonченному: все это дает Богдану полное право, чтобы память его была драгоценною и для Великороссиянина, для всей Руси.”¹⁸

Однако политическая лояльность не препятствовала Максимовичу опубликовать свои переводы некоторых псалмов на украинский в Галиции в 1867 г. после того, как их публикация в Российской империи оказалась невозможна¹⁹.

Для понимания отношения Максимовича к России и к украинскому национализму далеко недостаточно констатировать его поддержку государственного единства Украины с Россией. Местный патриотизм Максимовича имел и некоторый политический оттенок, который порой ставил его близко к национализму. В этом отношении заслуживает внимание его полемика с Пантелеймоном Кулишем относительно состояния Гетманской Украины накануне отмены ее автономии в XVIII веке. Интересно, что в данном вопросе Максимович оказался более радикальным украинцем, чем Кулиш, которого вообще можно считать уже сформировавшимся украинским националистом. В 1857 г. Кулиш напечатал в “Записках о Южной Руси” записку Григория Николаевича Теплова, исторический документ времен царствования императрицы Елизаветы. Теплов, член Малороссийской коллегии, изображал административные злоупотребления в Малороссии в самых темных красках и рекомендовал отменить автономию. Особенно вредным Теплов считал Литовский Статут, местное собрание законов, которое действовало на территории Гетманской Украины со времен польской власти. Кулиш предварил свою публикацию предисловием, в котором он поддерживал достоверность информации Теплова и считал отмену автономии при Екатерине II необходимым.

По мнению Кулиша, малороссийские паны утратили идею нации, своими злоупотреблениями уничтожали правосудие, угнетали низшие сословия и даже друг друга до такой степени, что “довели наконец край до совершенной безурядицы.”²⁰

Максимович возражал Кулишу статьей в Русской Беседе в том же 1857 году. Ссылаясь на “Историю Русов” и Ломоносова, он ставил добросовестность и нравственность Теплова под сомнение. Теплов действовал против благой воли Елизаветы, которая желала возобновить гетманство и подтвердить все прежние автономные права Малороссии. Максимович отрицал мнение Теплова, что казацкие старшины подчиняли себе большинство крестьян и что казаки вообще избегали военной службы. Он защищал малороссийское дворянство, а также общественное устройство бывшей Гетманской Малороссии от обвинений Теплова и Кулиша. Максимович считал положительным, что даже рядовые казаки владели своей землей с правом собственности. Крестьяне же жили лучше при гетманстве, чем под польской властью. Историк отметил поддержку Тепловым крепостного права и отрицал негативные последствия вольного перехода крестьян, так как и после утверждения крепостного права в 1783 г. многие помещики разорались, а крестьяне нередко становились пьяницами, лентяями и нищими. Максимович особенно подчеркивал, что Литовский Статут был основан на древних правах и обычаях “Юго-Западной Руси”, и впоследствии подтвержден в действии российскими царями, которые даже заимствовали некоторые статьи во всероссийское законодательство. Его последние слова Кулишу звучали как защита гетманской Украины / Малороссии и его автономии: “...как Малороссия, возникшая при Богдане, не была вместилищем одного новорожденного добра и благоустройства народного, так и Малороссия XVIII века, при всех злоупотреблениях и беспорядках, бывших в ней на исходе ее гетманства и старого козачества и вольноперехожего посполства, содержала в себе еще много добра и правды – во всех сословиях народа своего, и послужила ими с честью и славой, как сама для себя, так и для всего Русского мира.”²¹

Политическое значение возражения Максимовича бросается в глаза, если учитывать, что действие Литовского статута было окончательно отменено только в 1840 г. и что именно в 1857 г. началась подготовка отмены крепостного права. Максимович даже не забыл упомянуть, что именно Екатерина II запретила вольный переход крестьян в Гетманской Украине, что в подцензурных условиях звучало как довольно явная критика.

Идея Максимовича о двухсоставной Руси имела большое значение для развития украинского национализма. По его мнению, оказалось, что украинцы никак не были “младшими”, а скорее “старшими” из двух братьев. Совершенно естественно, что Юго-Западное Отделение Императорского Российского Географического Общества в 1873 г. предприняло публикацию собрания сочинений Максимовича²². Украинofilы, которые держали Отделение в своих руках, хорошо понимали национальное значение творчества Максимовича. Вместе с тем, публикация не была опасным в политическом отношении предприятием, потому что Максимовича уж никак нельзя было обвинять ни в каком “сепаратизме”. Несмотря на последующий запрет всего Отделения за его украинское направление, публикацию удалось довести до конца в 1880 году. Исходя из работ Максимовича, следующие поколения украинских историков пошли значительно дальше в подчеркивании своеобразности Украины и ее отличии от России. Однако не стоит забывать, что в этом отношении собственный взгляд Максимовича был весьма умеренным. В Украине, как и в других странах, национальное движение было процессом, который только со временем пошел полным ходом. Деятельность Максимовича относится к началу этого процесса.

¹Настоящая статья стала возможной, благодаря финансированию АН Финляндии. Статья написана на русском языке, потому что я пока еще недостаточно владею украинским, который изучаю.

²Погодин Михаил. О древнем языке русском. (Письмо К. И. Срезневскому). – Москвитянин, 1856. – Т.1. – № 2. С. 113 – 139.

³Я не компетентен в области истории средневековой Руси. Мне кажется, что переселение части населения на север имело место, но вряд ли Приднепровская Украина осталась совершенно незаселенной.

⁴Замлинский В. Патріарх української науки // Киев явился градом великим... Вибрані українознавчі твори. К., 1994. Педагог, учений, патріот. Матеріали IV науково-освітньої конференції присвяченої М.О.Максимовичу / грудень 1994р./ К., 1997. – С. 10 – 13, 38. Pelenski Jaroslaw: The Contest for the Legacy of Kievan Rus. Boulder and New York, 1998. – P. 216 – 221. Velychenko Stephen: National History as Cultural Process. A Survey of the Interpretations of Ukraine's Past in Polish, Russian, and Ukrainian Historical Writing from the Earliest Times to 1914. Edmonton, 1992. – P. XXII – XXIII, 188 – 189, 194, 236. На редкость уравновешенная и объективная книга Віктора Короткого и Сергія Біленького: Михайло Максимович та освітні практики на Правобережній Україні в першій половині XIX століття. К., 1999.

- ⁵Миллер А.И: “Украинский вопрос” в политике властей и русском общественном движении (вторая половина XIX в.). – СПб., 2000. – С. 69 – 71, 155 – 156.
- ⁶Максимович М.А: Филологические письма М.П.Погодину. // Русская Беседа № 3. – 1856. Отделение “науки”. – С. 78 – 139. Я ссылаюсь в это первое издание, хотя вообще употребляю в сносках собрание сочинений Максимовича. Такая непоследовательность объясняется тем, что III-й том сочинений был доступен мне очень непродолжительное время.
- ⁷Письма М.П.Погодина, С.П.Шевырева и М.А.Максимовича к князю П.А.Вяземскому 1825 – 1874 годов (из Остафьевского архива). – СПб., 1901. Предисловие Николая Барсукова. С. 28.
- ⁸Украинский оригинал вышел в том же 1857 году отдельным изданием.
- ⁹Правда, он не писал об этом с совершенной точностью. См.: Погодин 1856. – С. 116 –117, 131 – 132.
- ¹⁰Максимович М. Указ. соч. – С. 84.
- ¹¹Там же. С 84 – 86.
- ¹²Там же. С. 27.
- ¹³Там же.
- ¹⁴Максимович: О участии и значении Киева в общей жизни России // Собрание сочинений М.А.Максимовича. Том II. К., 1877. – С. 5 – 23. Статья была впервые опубликована в 1837 г.
- ¹⁵Максимович М.А. Филологические письма М.П.Погодину. – С. 104.
- ¹⁶Лавровский П: Ответ на письма г. Максимовича к г. Погодину // Основа – № 8. – 1861. – С. 14 – 40.
- ¹⁷Максимович: Собрание сочинений. К., 1876 – 1880. – Т. III. – С. 305.
- ¹⁸Там же. Т I. – С. 397.
- ¹⁹Письма М.П.Погодина, С.П.Шевырева и М.А.Максимовича к князю П.А.Вяземскому 1825 – 1874 годов. – С. 203.
- ²⁰Кулиш М. Записки о Южной Руси в двух томах. СПб., 1856 – 1857. – Том II. – С. 171 – 174 (предисловие Кулиша), 175 – 196 (записка Теплова), цитата из М.Кулиша. – С. 172.
- ²¹О Григории Николаевиче Теплове и его записке „О неурядках Малороссии“. (Письмо к П.А.Кулишу). // Максимович 1876 – 1880. – Т. I. – С. 545 – 564, цитата с. 564.
- ²²Савченко Федір: Заборона українства 1876 р. До історії громадських рухів на Україні 1860 – 1870-х рр. Харків-Київ, 1930. – С. 50 – 51, 92.

Johannes Remy. Relations between Ukraine and Russia in works of Myhajlo Maksymovych in 1850 –1860-ies.

The article deals with a Ukrainian historian, linguist and ethnographer Myhajlo Maksymovych, especially his position concerning the relation between Ukrainian and Russian nations.

Maksymovych saw the difference between Ukraine and Russia as one between two constituent parts of common Rus nationality rather than as one between two completely separate nations. In his polemics with a Russian historian Mikhail Pogodin, Maksymovych emphasised that Ukrainians are true inheritors of the legacy of Kievan Rus. However, he also criticised Pogodin for separating the origins of Ukrainians and Russians too far from each other. Maksymovych’s polemics with Pantelejmon Kulish shows that he sympathized with the Cossack autonomy of the Hetmanate and regretted its abolition.